Права на ставропигию: церковная традиция и претензии Фанара

*Статья П.В. Кузенкова размещена на **сайте «Седмица.ру»**, созданном Церковно-научным центром «Православная энциклопедия».*

Введение

Недавний инцидент с попыткой Константинопольского Патриарха основать свою ставропигию на чужой канонической территории – в чешском городе Вилемов, в Оломоуцко-Брненской митрополии Православной Церкви Чешских земель и Словакии – обострили дискуссию вокруг этого церковного института, считающегося одной из прерогатив высшей церковной власти.

Традиционно ставропигия рассматривалась и рассматривается в контексте полномочий Предстоятелей Автокефальных Поместных Церквей. Бурные церковно-политические коллизии последних лет выявили глубокое расхождение в понимании границ канонической юрисдикции между Поместными Церквами, ориентированными на святоотеческую и византийскую каноническую и экклезиологическую традицию, и Константинопольским Патриархатом, опирающимся в своих претензиях на некую новую экклезиологию, основанную на причудливой смеси «восточного папизма», манипуляции канонами и глобалистической демагогии экуменического толка[1].

Архиепископ Константинополя Нового Рима, пользуясь своим древним почётным титулом «Вселенского Патриарха», претендует на распространение своей юрисдикции, ни много ни мало, на всю «вселенную» (экумену) – за исключением тех территорий, на которых существуют другие автокефальные Поместные Церкви-сестры. Впрочем, достаточно неожиданно выяснилось, что и это исключение не безусловно. Своё право ставропигии Константинополь решил распространить вообще на всю территорию планеты Земля, сделав решительный шаг к полной симметрии с римско-католическим учением об универсальной юрисдикции Престола св. Петра. Однако, в отличие от католиков, новоявленные «ортодоксальные паписты» не имеют ни догматической, ни экклезиологической, ни правовой основы, соответствующей их претензиям. Их единственной опорой является некая «традиция», каковую они преподносят в качестве «канонической» и на которую пытаются опереть шаткое строение своей «неоправославной» экклезиологии. Задача данной статьи – спокойно и пунктуально рассмотреть все предъявляемые в этом отношении аргументы.

Каноническая традиция

Ставропигия – особый статус монастырей и других церковных учреждений (храмов, духовных школ, странноприимных домов и т.п.), выведенных из-под канонической юрисдикции местного епархиального архиерея и подчинённых непосредственно предстоятелю Поместной Церкви (например, в лице Патриарха). Греческое слово «σταυροπήγιον» означает «водружение креста» – акт, который символизировал закладку основания церковного здания[2]. Согласно канонам Православной Церкви, учреждение храма или монастыря находится в ведении местного архиерея: «Разсуждено, чтобы никто нигде не созидал и не основывал монастыря или молитвеннаго дома без соизволения епископа града» (IV Всел. 4)[3]; «Аще убо кто дерзнет сие творити (учреждать молитвенный дом, не имея достаточных средств для его содержания. – П. К.), да будет ему возбранено от местнаго епископа» (VIIВсел. 17)[4].

Не позднее IX в. в Византийской империи, где многие храмы и монастыри основывались знатью и сановниками, распространилась практика приглашать на церемонию закладки самого Патриарха, который обычно посылал своё ответное согласие (отсюда выражение: «посылать ставропигии», ἀποστεῖλαι σταυροπήγια). И если речь шла об удалённой епархии, где был свой правящий архиерей, возникала каноническая коллизия.

Церковная традиция издревле с большим вниманием относится к соблюдению прав епископов на территории их церковных округов. Каноны многократно оговаривают неприкосновенность полномочий местных архиереев и недопустимость вторжения в область их юрисдикции со стороны их собратьев-епископов. Лишь к концу V века оформляется институт патриаршества как высшей церковной власти, стоящей над епархиальными митрополитами. Соответственно, возникает возможность особого рода привилегии – подчинения напрямую патриарху, в обход «своего» митрополита. Получающие такую привилегию епископы городов стали называться «автокефальными архиепископами»[5], образовав особую ступень церковно-административной иерархии (ниже митрополитов, но выше простых епископов). А присвоение аналогичного статуса храмам и монастырям стало называться «дарованием патриаршей ставропигии».

Институт ставропигии – явление относительно позднее, практически не отраженное в древнейшем каноническом праве. В многотомном корпусе канонов Православной Церкви, включающем Правила свв. Апостолов и свв. Отцов, Вселенских и Поместных Соборов, а также толкования на эти правила византийских канонистов – Иоанна Зонары (нач. XII в.), Алексея Аристина (сер. XII в.) и Феодора Вальсамона (кон. XII в.), – упоминание о ставропигиях встречается лишь несколько

раз[6].

Так, в толковании на 31-е Апостольское правило Феодор Вальсамон пишет:

> В каждом городе клирики и миряне должны подчиняться местному епископу… Ссылаясь на это правило и на прочие, определяющие подобное, местные митрополиты и епископы негодуют против тех, кто испрашивают в их округах патриаршие ставропигии. Поэтому некоторые из них даже многократно обращались к царям и патриархам с просьбами отменить дарование патриарших ставропигий, указывая на то, что те, кто добиваются их и подают прошение вселенскому патриарху, их самих не удостаивают и слова. Но к ним не прислушались, а когда они просили привести им правила, допускающие предоставление таких ставропигий, со стороны святейшей великой церкви их протест был уверенно отражен ссылкой на давний церковный неписанный обычай, который с незапамятных времен и поныне действует вместо правил[7].

Из этого текста авторитетного канониста видно, что даже в конце XII в. подчинённые Константинопольскому патриарху архиереи ещё пытались опротестовывать основание патриарших ставропигий на территории их епархий[8]. И особенно важно, что на требование своих оппонентов предоставить *канонические основания* для патриаршей ставропигии «великая церковь» (т.е. Константинопольская патриархия) указать таковых не могла, обосновывая эти права «неписанным давним церковным обычаем, действующим *вместо канонов*» (διὰ τῆς μακρᾶς ἐκκλησιαστικῆς ἀγράφου συνήθειας, τῆς ἀντὶ κανόνων κρατησάσης).

Следует отметить, что древняя каноническая традиция уважительного отношения к правам епархиальных архиереев даже в случае реализации прерогатив патриарха сохраняется в современной Русской Церкви. В Уставе Русской Православной Церкви 2000 г. о порядке образования ставропигий сказано:

> Образование ставропигиальных монастырей и подворий в Московской епархии осуществляется указами Патриарха Московского и всея Руси. Образование ставропигий в пределах иных епархий осуществляется с согласия епархиального архиерея по решению Патриарха Московского и всея Руси и Священного Синода[9].

Таким образом, образование ставропигии *без ведома* местного правящего епископа – на что жаловались современники Вальсамона – в современной Русской Церкви невозможно, в полном согласии с духом древней апостольской и святоотеческой традиции.

Итак, из толкования Феодора Вальсамона ясно, что к XII в. институт ставропигии, подразумевающий право Константинопольского патриарха учреждать и контролировать монастыри в епархиях его собственного Патриархата, уже считался давней традицией. Но для того, чтобы обладать канонической силой, эта традиция должна была иметь прочные церковно-правовые основания. Этот вопрос, очевидно, волновал и самого Вальсамона, который после приведённого выше толкования добавляет следующее:

> ИНОЕ ТОЛКОВАНИЕ. После истолкования настоящего правила, побеседовав с некоторыми архиереями, негодующими на патриаршие ставропигии и утверждающими, что они посылаются в их округа якобы неканонично, я пришел к выводу, что это делается справедливо и канонично, и что напрасно местные епископы порицают их создание. Ибо божественными правилами округ дан не митрополиту, не архиепископу и не епископу, но все округа четырёх климатов вселенной разделены между пятью патриархами; и поэтому имена их в этих округах возносятся всеми тамошними епископами. Это явствует из 6-го и 7-го правил Первого Собора, а также из 2-го и 3-го правил Второго Собора, которыми определяется, что патриарх Александрийский имеет своей областью весь Египет, Ливию и Пентаполь, Антиохийский – Сирию, Месопотамию и Киликию, а прочие патриархи – другие диоцезы. Отсюда, в силу указанных правил имея право рукоположений в определённых для них округах, имея право суда над правящими там архиереями и их канонического наказания, они справедливо предоставляют и ставропигии в их городах и округах; а также невозбранно им брать себе их клириков, сколько пожелают. Но при всём том **никому из патриархов не дозволяется ни посылать свои ставропигии в округ другого патриарха**, ни присваивать себе его клирика, дабы не нарушались права Церквей[10].

Как видим, византийский канонист видит основанием права на дарование ставропигии особые преимущества патриархов, определённые канонами I и II Вселенских Соборов (1 Всел. 6, 7; 2 Всел. 2, 3), и увязывает его с иными полномочиями предстоятелей Поместных Церквей в отношении подчиненных им епископов (хиротонии и суда). В то же время учреждение ставропигий в чужой Поместной Церкви Феодор Вальсамон (который, кстати, сам носил титул патриарха Антиохийского) решительно осуждает, объявляя, что такое действие нарушало бы (συγχέωνται) права Церквей.

Данное разъяснение Вальсамона проясняет значение его слов в других местах. Так, в толковании на 12-й канон Сардикийского Собора он говорит:

> На основании давнего обычая, многократно соборно утверждённого, Константинопольский

> престол даёт ставропигии во все церковные округа и имеет возношение не только в них, но и где бы он ни имел недвижимые имения. Некоторые же говорят, что сей святой престол обладает полномочиями не только в имениях, принадлежащих ему по праву собственности, но и в недвижимых имениях подчинённых ему монастыре[11].

А в ораторском упражнении «В похвалу двух служб, хартофилакса и протекдика» (Μελέτη χάριν τῶν σύοὀφφικίων, τοῦ τε χαρτοφύλακος καὶ τοῦ πρωτεκδίκου) Феодор Вальсамон, витиевато восхваляя высокую честь главы патриаршей канцелярии (хартофилакса), восклицает:

> Через него [патриарший секретариат. – П.К.] по всей почти вселенной записываются и даются патриаршие ставропигии, и из многих градов церковные главы перемещаются во дворец первого главы[12].

Нет никакого сомнения в том, что и говоря о «всех церковных округах», и о «всей почти вселенной»[13]византийский канонист ничуть не противоречит себе и имеет в виду епархии в границах одной Поместной Церкви – Константинопольского Патриархата. В последнем случае это подтверждается ещё и упоминанием о «перемещении церковных глав» в Константинополь посредством распоряжения секретариата – очевидно, имеется в виду вызов епископов на заседания Синода[14].

Суждения Феодора Вальсамона о ставропигиях стали хрестоматийными для византийских канонистов. В XIVв. они воспроизведены в «Алфавитной синтагме» Матфея Властаря. Этот своего рода словарь по церковному праву представляет собой упорядоченный по темам в алфавитном порядке свод канонов, государственных законов, касающихся церковных дел, и толкований авторитетных юристов. Так, в разделе «О преимуществах и привилегиях, которыми обладают Церкви и предстоятели» (литера «Е», гл. 11) под заголовком «Почему патриарх отправляет ставропигии в округа митрополитов» он цитирует, с некоторыми изменениями, вышеприведенное «Иное толкование» на Ап. 31:

> ВАЛЬСАМОН. Итак, поскольку округа четырех климатов вселенной распределены между пятью патриархами, **не считая малых Церквей**, и им дозволяется рукополагать митрополитов в определенные им диоцезы, судить их и наказывать согласно божественным правилам, и иметь возношение и поминание своих имен перед всяким митрополитом диоцеза, на основании этого они также отправляют ставропигии в их округа и берут из них клириков, которых выберут. Впрочем, никому из них не дозволяется ни отправлять ставропигию в страну, которая подчиняется другому патриарху, ни брать из нее

клирика, дабы не нарушались права Церквей[15].

Характерно, что Властарь добавляет к пяти вселенским патриархатам «малые Церкви» – под которыми он, как видно из следующего параграфа, понимает существовавшие в его время автокефальные Церкви: Болгарскую, Кипрскую и Грузинскую. При этом особо подчеркивается, что указанные Церкви, хотя и не входят в число пяти патриархатов, не подчиняются ни одному из других патриархов:

> О Болгарской, Кипрской и Ивирской Церквах. – Не подчиненными никакому патриарху являются: Церковь Болгарии, которую почтил император Юстиниан, как это будет ясно из упомянутой далее его новеллы; Кипра – ее удостоили чести Третий и Шестой Соборы, как будет сказано сразу же ниже; Ивиров (грузин), которую почтило решение Собора в Антиохии, которой ранее она подчинялась. Ибо архиереи этих Церквей по обычаю рукополагаются собственными епископами[16].

Таким образом, византийский канонист XIV века фиксирует трансформацию пентархии: к древним патриархатам теперь присоединяются не починяющиеся ни одному из них «малые Церкви». Соответственно, и полномочия верховных предстоятелей – в т.ч. на дарование ставропигий – ограничиваются теперь границами автокефальных Поместных Церквей.

Далее, в разделе «Об отъезде епископов и клириков» (литера «А», гл. 9) в подзаголовке «О том, что одному патриарху Константинопольскому предоставлено повсюду направлять ставропигии» Матфей Властарь пересказывает толкование Вальсамона на Сард. 12, также несколько изменяя его:

> Одному патриарху Константинопольскому по давнему обычаю дозволяется предоставлять ставропигии и иметь возношение и поминание его имени не только в его собственных, где бы то ни было расположенных, селах, которыми он владеет, и в недвижимых имениях подчиненных ему монастырей, но и в округах его митрополий, а именно там, где он будет призван храмоздателем.[17]

Как видим, Властарь, в отличие от Вальсамона, уже принимает как данность, а не как частное мнение непосредственную церковную власть Константинопольского Патриарха во владениях подчиненных ему монастырей. Однако этим и ограничивается здесь расширительное толкование привилегий Константинополя.

Казалось бы, вопрос предельно ясен: и в XII веке, и в XIV веке право Константинопольского патриарха учреждать ставропигии не выглядело бесспорным даже на территории его собственной канонической юрисдикции и оспаривалось некоторыми епархиальными архиереями. А авторитетные канонисты, защищая это право, обосновывали его не церковными правилами, но укоренившимся обычаем, причисляя к иным прерогативам предстоятеля Поместной Церкви.

Однако не все так просто.

Казус «Исагоги»

В главе 8-й литеры «П», озаглавленной «О патриархе», «Алфавитная синтагма» Матфея Властаря приводит один-единственный и притом государственно-правовой документ – «Исагогу»[18] императоров Василия I, Константина и Льва (ок. 885 г.), в которой среди прочего содержится следующий текст:

> Константинопольский престол, украшенный царством, объявлен первым соборными решениями; следуя им, божественные законы[19] предписывают и тяжбы, бывающие у других престолов, передавать на его рассмотрение и суждение.
>
> Попечение и забота обо всех митрополиях, епископиях, монастырях и церквах, а равно суд, осуждение и оправдание принадлежат своему Патриарху; а Константинопольскому предстоятелю дозволено даровать ставропигии в округах иных престолов, где не было прежде освящения храма, и не только это, но и надзирать, исправлять и излагать окончательное суждение в тяжбах, происходящих в других престолах[20].

Таким образом, «Исагога» – вопреки всей прочей канонической литературе – утверждает, что Константинопольский патриарх: а) занимает первое место среди всех патриархатов; б) может вмешиваться в споры внутри других патриархатов; в) имеет право учреждать ставропигии в чужих Поместных Церквах.

Средневековая византийская правовая система отличается от современной тем, что в ней довольно часто встречаются противоречащие друг другу нормы: даже в таких авторитетных сводах, как «Василики», их немало[21]. Тем более часто такие казусы попадаются в правовых компиляциях, составители которых брали материал из самых разных источников. Типичный пример – рассматриваемая здесь «Алфавитная синтагма» Властаря, который вовсе не ставил

себе целью устанавливать общецерковные канонические нормы, но лишь составил удобный справочник, собрав туда разные древние тексты по своему выбору.

Таким образом, предстоит определить: какая же из правовых норм считалась канонической с точки зрения актуальной церковной практики? Собственно говоря, ответ на этот вопрос уже дали византийские канонисты – в лице Феодора Вальсамона, авторитет мнения которого подтверждает и сам Матфей Властарь, его цитирующий. Вальсамон жил спустя два столетия после создания «Исагоги», и притом был весьма активно вовлечен в практические вопросы церковной жизни. И он прямо пишет, что *канонических оснований* для распространения ставропигии даже на *собственные епархии* у патриарха нет. Есть только традиция, которая развивает канонические прерогативы предстоятелей Поместных Церквей *в границах своей юрисдикции* – и только!

Что же касается «Исагоги», то этот византийский памятник, во-первых, имеет исключительно гражданско-правовой характер; а во-вторых, даже в этом качестве имеет ограниченный авторитет. По мнению специалистов, «Исагога», составленная в последний год царствования Василия I Македонянина (867–886) при активном участии патриарха Фотия, так и не успела получить прочный официальный статус и уже при Льве VI (886–912) была оттеснена на периферию правовой практики – а возможно, вообще так и осталась законопроектом[22]. Впрочем, некоторые ее положения – в частности, цитируемый Властарем текст о царе и патриархе, – оказали определенное влияние на византийскую и поствизантийскую политическую идеологию, но не вследствие авторитета «Исагоги», а по причине своей уникальности[23].

Само по себе желание авторов «Исагоги» – и Василия I, и стоявшего за ним св. Фотия – возвысить патриарха Константинопольского до уровня, симметричного универсальной власти императора, – во многом определялось полемикой с папским Римом, именно в эту эпоху пытавшегося навязать Византии свою доктрину «всемирной юрисдикции». Кроме того, «Исагога» по своему статусу – вовсе не канонический сборник, а свод *имперского* законодательства, и уже в силу этого её нормы ограничены территорией *одного государства* – Византийской империи, в границах которой в конце IX в. находились епархии только двух патриархатов: Константинопольского и Римского (на Балканах и в Южной Италии); так что, судя по всему, расширительное толкование прерогатив Константинопольского патриарха было направлено как раз против Рима, как «симметричный ответ» на его претензии.

В VI веке окончательно оформилась концепция т.н. пентархии – пяти патриархатов «всей вселенной»[24](под вселенной-экуменой обычно понималась территория Римской империи)[25]. Но уже в следующем столетии в результате арабских завоеваний три из пяти патриарших престолов – Александрия, Антиохия и Иерусалим – оказались на территории исламского халифата, а папский Рим в 800 г. создал «свою» империю на Западе, во главе с франкскими

(позже – германскими) королями. Единственной патриаршей кафедрой на территории Восточной Римской (Византийской) империи на долгие века остался Константинополь, который и стал всё чаще восприниматься как единственный «вселенский» престол[26]. Это нашло отражение как в имперском законодательстве, так и в церковно-канонической практике.

Впрочем, попытки возвышения Константинополя над другими православными Поместными Церквами, как противоречащие канонам, вызывали неприятие со стороны других патриархов. Именно эту позицию и отражает Феодор Вальсамон. Целое тысячелетие, с X по XX в., вопрос о правах на ставропигию не вызывал никаких серьёзных прений. Но ситуация внезапно изменилась в связи с глобальными переменами, вызванными крушением Османской империи и резким осложнением положения православных в кемалистской Турции. Константинопольский Патриархат фактически лишился своих «коренных» епархий, и само его дальнейшее существование оказалось под вопросом. И тогда, при поддержке стран Антанты, стала муссироваться идея якобы исконной «вселенской юрисдикции» Константинополя[27].

Патриаршие ставропигии в Элладской Церкви

О том, что ни о каком универсальном праве Константинополя на ставропигии в пределах других Автокефальных Поместных Церквей не шло и речи, свидетельствует прецедент со статусом древних ставропигиальных монастырей на землях, отошедших в XIX в. к Греческому королевству. Патриарший и Синодальный Акт 1882 г. гласил:

> Письменно свидетельствуем во Святом Духе, что расположенные на недавно отошедших в политическом отношении к Греческому королевству территориях… священные Патриаршие и ставропигиальные обители впредь всегда и именуются, и всеми признаются соединёнными и неразрывно связанными в церковном отношении со Святейшей автокефальной Элладской Церковью и управляются Священным Синодом этой Церкви, имеют к ней каноническое и непосредственное подчинённое отношение и поминовение её имени[28].

Таким образом, Константинополь в то время не только не претендовал на основание на территории чужих Поместных Церквей новых ставропигий, но и уступал свои собственные древние и бесспорные ставропигиальные монастыри, уважая автокефальный статус и целостность юрисдикции Церкви-сестры.

В 20-е гг. XX в. ситуация изменилась, и когда речь вновь зашла о статусе ставропигиальных монастырей, оказавшихся на территории Греции в ходе очередной перекройки политических границ, Константинополь уже более жёстко стал отстаивать свои древние права. Пункт 10-й Патриаршего и Синодального Акта 1928 г. возвещает, что:

> Сохраняются непреложно канонические права Вселенского Патриарха в отношении находящихся в Греции священных Патриарших и ставропигиальных монастырей, дабы в них поминалось имя Вселенского Патриарха и всякий раз Священным Синодом Элладской Церкви через её Предстоятеля возвещалось Вселенскому Патриарху об избрании новых игуменских советов этих монастырей[29].

Как видим, даже в этом случае Константинопольский престол вполне скромно ограничивает требования сохранения своих старинных канонических прав на ставропигии вопросами поминания имени Патриарха и согласования состава органов монастырского управления. Ни о каких особых правах речи не идёт.

«Возрождение» претензий Константинополя

Теория о том, что Константинопольский патриарший престол имеет не только «вселенскую» юрисдикцию за пределами границ других Поместных Церквей, но и уже никакими пределами не ограниченную сферу учреждения ставропигий, стала развиваться с особой силой в связи с окончательно определившимся в последнее время курсом Фанара на закрепление за Вселенским Патриархом статуса «первого без равных» – высшего иерарха всей Православной Церкви[30].

Аргументация апологетов позиции Фанара, выступавших в защиту самочинных ставропигий Константинополя в Афинах (2014) и Вилемове (2020), строится следующим образом.

1. Престол Константинополя – Нового Рима определён канонами как «второй после Рима» (II Всел. 3; IVВсел. 28; Трулл. 36) – а значит, по причине отпадения Римской Церкви, является «первым» в Православной Церкви.
2. Юрисдикция Константинопольского Патриарха распространяется на церкви «у варварских народов» (IVВсел. 28) – а значит, на все территории планеты, где нет епархий других Православных Церквей.
3. Каноны (IV Всел. 9, 17) и византийская правовая традиция (Исагога, 3.9) признают за Константинопольским Патриархом права универсальной юрисдикции.
4. В рамках этих «вселенских» полномочий Патриарх Константинопольский имеет особую – основанную на древней традиции, имеющей силу канона, – прерогативу даровать

ставропигии и в епархиях всех других Православных Церквей[31].

С учётом рассмотренных выше аутентичных и авторитетных текстов на это можно возразить следующее:

1. Первенство Константинопольского Престола никогда не оспаривалось прочими Православными Церквами, но всегда понималось как первенство чести. Более того, это первенство было даровано Новому Риму – как гласят каноны (II Всел. 3) – по причине пребывания там царя и синклита; тем не менее, даже после утраты Константинополем статуса столицы православного царства, а в XX в. – и вообще какого-либо столичного статуса и, соответственно, после утраты канонических оснований для первенства Константинопольского Патриарха другие Православные Церкви не ставили под сомнение его первенство чести, уважая древнюю традицию и принимая во внимание сложное политическое положение христиан в Турции. Однако попытки Фанара толковать эту древнюю привилегию как первенство власти отвергались Православными Церквами всегда и решительно.
2. Юрисдикция Константинопольского Патриарха, определённая Халкидонским Собором (IV Всел. 28), распространяется не просто на церкви «у варварских народов», а на церкви «у варварских народов преждереченных диоцезов» – т.е. Понтийского, Асийского и Фракийского[32]. Эти диоцезы Римской империи находились в Малой Азии и области Фракия (территория совр. Турции); следовательно, ни на какие другие страны «варваров» юрисдикция Константинополя на основе данного правила распространяться не может.
3. Каноны Халкидонского Собора (IV Всел. 9, 17) признают высшей судебной инстанцией «экзарха диоцеза или престол царствующего Константинополя»[33]. Следовательно, прописанный в указанных канонах статус Константинополя а) касается только его собственных трёх диоцезов; б) тесно увязан с его столичным статусом. Расширительное толкование данного правила в «Исагоге» а) распространяется только на территорию Византийской империи и б) даже на этой территории не получило официального признания.
4. Следовательно, право Константинополя основывать ставропигии на территории иных автокефальных Поместных Церквей не имеет никаких оснований: ни канонических, ни опирающихся на древнюю церковную традицию. Более того, корпус канонического права, признанный самой Константинопольской Церковью, содержит двукратно повторяемый **прямой запрет** на такие действия[34].

П.В. КУЗЕНКОВ

Литература

Бондач. 2011. – Бондач А.Г. Исагога // Православная энциклопедия. Т. 27. М., 2011. С. 50–52.

Ермилов. 2014. – Ермилов П.В. Происхождение теории о вселенском первенстве Константинопольского Патриархата // Вестник ПСТГУ. Сер. I. 2014. Вып. 1 (51). С. 36–53.

Кузенков. 2014. – Кузенков П.В. Канонический статус Константинополя и его интерпретация в Византии // Вестник ПСТГУ. Сер. I. 2014. Вып. 3 (53). С. 25–51.

Кузенков. 2020. – Кузенков П.В. Понимание «вселенскости» в православной традиции // Причины и вызовы текущего кризиса межправославных отношений: Материалы научно-практической конференции (ПСТГУ, 25–26 февраля 2019 г.). М.: ПСТГУ, 2020. С. 95–111.

Медведев. 2001. – Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.

Правила. 2000. – Правила Святых Апостол, Святых Соборов, Вселенских и Поместных, и Святых Отец с толкованиями. М., 2000 (репр.). Кн. 1–4.

Причины и вызовы. 2020. – Причины и вызовы текущего кризиса межправославных отношений. Материалы научно-практической конференции (ПСТГУ, 25–26 февраля 2019 г.). М., 2020.

CIC. 1954. – Codex Iuris Civilis / Edidit P. Krueger. Berlin, 1954.

Collectio. 1852. – Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum: Ecloga Leonis et Constantini; Epanagoge Basilii, Leonis et Alexandri / Ed. C.E. Zachariae a Lingenthal. Leipzig, 1852.

LSJ. 1996. – Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon, 1996.

Schminck. 1986. – Schminck A. Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern. Frankfurt am Main, 1986.

Apostolos of Derkon. 2020. – https://orthochristian.com/128904.html

Βαβούσκος. 2018. – Βαβούσκος Α. Περί ιδρύσεως πατριαρχικών σταυροπηγίων. 2018. https://orthodoxia.info/news/περί-ιδρύσεως-πατριαρχικών-σταυροπη/

Ελπιδοφόρος. 2014. – Ἐλπιδοφόρος Λαμπρυνιάδης, μητρ. Προύσης. Primus sine paribus: Ἀπάντησις εἰς τὸ περὶ πρωτείου κείμενον τοῦ Πατριαρχείου Μόσχας. 2014. http://www.ec-patr.org

Κυριαζόπουλος. 2020. – Κυριαζόπουλος Κ. Αυθαίρετη αμφισβήτηση του προνομίου του Οικουμενικού Πατριάρχη για ίδρυση Σταυροπηγίων οπουδήποτε από το Αμμάν. 2020. https://www.romfea.gr/katigories/10-apopseis/35609

Σύνταγμα. 1992. – Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων / Ἐκδοθὲν ὑπὸ Γ.Α. Ῥάλλη καὶ Μ. Ποτλῆ. Ἀθήνα, 1992 (repr.).

Τρωϊάνος. 1989–1991. – Τρωϊάνος Σ.Ν. Ὁ Μέγας Φώτιος καὶ οἱ διατάξεις τῆς «Εἰσαγωγῆς» // Ἐκκλησία καὶ θεολογία. 1989–1991. Τ. 10. Σ. 489–504.

[1] См. материалы недавней научной конференции: Причины и вызовы. 2020.

[2] Σύνταγμα. 1992. Τ. 2. Σ. 582; Правила. 2000. Кн. 2. С. 654.

[3] Ἔδοξε μηδένα μὲν μηδαμοῦ οἰκοδομεῖν, μηδὲ συνιστᾷν μοναστήριον, ἢ εὐκτήριον οἶκον, παρὰ γνώμηντοῦ τῆς πόλεως ἐπισκόπου. – Σύνταγμα. 1992. Τ. 2. Σ. 226; Правила. 2000. Кн. 2. С. 165.

[4] Εἰ τις οὖν τούτο ἐπιχειρήσοι ποιεῖν (κτίζειν εὐκτηρίους οἴκους, τὰ πρὸς ἀπαρτισμὸν μὴ ἔχων), κολυέσθω ὑπὸ τοῦ κατὰ τὸν τόπον ἐπισκόπου. – Σύνταγμα. 1992. Τ. 2. Σ. 625; Правила. 2000. Кн. 2. С. 707.

[5] Следует иметь в виду, что в греческой номенклатуре и митрополиты, и патриархи также считаются архиепископами, т.е. старшими епископами. «Автокефальные» архиепископы отличаются от них тем, что не имеют подчинённых епископов, а возглавляют лишь свою собственную кафедру – являются «сами себе главами» (таков в данном случае смысл термина αὐτοκέφαλος, букв. «самоглавый»).

[6] Для обзора использовался базовый канонический сборник Константинопольской и Элладской Церквей – изданная в Афинах в 1852–1859 гг. Г.А. Раллисом и М. Полисом и неоднократно переиздававшаяся «Синтгама (свод) божественных и священных канонов святых и всехвальных Апостолов, священных Вселенских и Поместных Соборов и отдельных святых Отцов, изданный, в сопровождении многих иных церковных установлений, древних толкователей и разночтений, с дозволения Святой и Великой Церкви Христовой и Священного Синода Элладской Церкви» (переиздание: Σύνταγμα. 1992). На основе этого издания Московским Обществом любителей духовного просвещения в 1874–1875 гг. было подготовлено издание церковных канонов с толкованиями (переиздание в 3-х частях: Правила. 2000).

[7] Ἑκάστης πόλεως ἱερωμένοι καὶ λαϊκοὶ ὀφείλουσιν ὑποκεῖσθαι τῷ κατὰ χώραν ἐπισκόπῳ. ... Τούτῳ τῷκανόνι καὶ τοῖς λοιποῖς τὰ τοιαῦτα διοριζομένοις προσβοηθούμενοι οἱ κατὰ χώραν μητροπολῖται καὶ ἐπίσκοποιγογγύζουσι κατὰ τῶν ζητούντων σταυροπήγια πατριαρχικὰ εἰς τὰς ἐνορίας αὐτῶν. Διὰ γὰρ τοῦτο καὶ πολλάκιςτινὲς ὤχλησαν τὰς βασιλικὰς καὶ πατριαρχικὰς ἀκοάς, ζητοῦντες περιαιρεθῆναι τὴν δόσιν τῶν πατριαρχικῶνσταυροπηγίων, ὡς τῶν ζητούντων αὐτά, καὶ ποιούμενων τὴν τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου ἀναφοράν, μηδὲλόγου ἀξιούντων αὐτούς· ἀλλ᾽ οὐκ

εἰσηκούσθησαν καὶ ταῦτα ζητοῦντες κανόνας προκομισθῆναι, τὴν τῶντοιούτων σταυροπηγίων ἐκχωροῦντας ἔκδοσιν, ὡς τοῦ μέρους τῆς ἁγιωτάτης μεγάλης ἐκκλησίας γενναίωςἀποσκευασαμένου τὴν τούτων ἔνστασιν, διὰ τῆς μακρᾶς ἐκκλησιαστικῆς ἀγράφου συνήθειας, τῆς ἀντὶκανόνων κρατησάσης ἐξ ἀμνημονεύτων χρόνων καὶ μέχρι τοῦ νῦν. – Σύνταγμα. 1992. Τ. 2. Σ. 40–41; ср.: Правила. 2000. Т. 1. С. 68.

[8] Греч. ἐνορία – церковный округ, по-русски обычно именуемый епархией. Необходимо отметить, что греч. слово ἐπαρχία имеет другое значение: географическая или административная область.

[9] Устав Русской Православной Церкви. Гл. IV, п. 10.

[10] Μετὰ τὴν τοῦ παρόντος κανόνος ἑρμηνείαν, εἰς λόγον ἐλθὼν μετά τινων ἀρχιερέων, γογγυζόντων διὰτὰ πατριαρχικὰ σταυροπήγια, ὡς δῆθεν ἀκανονίστως ἀποστελλόμενα εἰς τὰς ἐνορίας αὐτῶν, κατενόησαδικαίως καὶ κανονικῶς ταῦτα γίνεσθαι, καὶ μάτην τοὺς ἐγχωρίους ἐπισκόπους μέμφεσθαι τὴν τούτων ποίησιν. Ἀπὸ γὰρ τῶν θείων κανόνων οὔτε μητροπολίτῃ, οὔτε ἀρχιεπισκόπῳ, οὔτε ἐπισκόπῳ ἐνορία ἐδόθη, ἀλλὰ τοῖςπέντε πατριάρχαις ἀπενεμήθησαν αἱ ἐνορίαι τῶν τεσσάρων κλιμάτων τῆς οἰκουμένης, καὶ διὰ τοῦτο ἔχουσιν ἐνταύταις τὴν ἀναφορὰν τῶν ὀνομάτων αὐτῶν ἀπὸ πάντων τῶν ἐν αὐταῖς ἐπισκόπων· καὶ τοῦτο δῆλον ἀπὸ τοῦΣΤʹ καὶ Ζʹ κανόνος τῆς Αʹ συνόδου καὶ τοῦ Βʹ καὶ Γʹ κανόνος τῆς δευτέρας, διοριζομένων τὸν Ἀλεξανδρείαςἔχειν ἐνορίαν πᾶσαν τὴν Αἴγυπτον, τὴν Λιβύην, καὶ τὴν Πεντάπολιν, τὸν Ἀντιοχείας, τὴν Κοίλην Συρίαν, τὴνΜεσοποταμίας καὶ τὴν Κιλικίαν, καὶ τοὺς λοιποὺς πατριάρχας, τὰς ἑτέρας διοικήσεις. Ὅθεν καὶ ὡς ἔχοντεςδίκαια χειροτονιῶν εἰς τὰς ἀφορισθείσας αὐτοὺς διοικήσεις, κατὰ τὴν τῶν ῥηθέντων κανόνων περίληψιν, καὶἀνακρίνοντες τοὺς διέποντας ταύτας ἀρχιερεῖς, καὶ κανονικῶς διορθούμενοι, δικαίως καὶ σταυροπήγιαδώσουσιν εἰς πόλεις καὶ παροικίας αὐτῶν· ἰδιώσονται δὲ καὶ κληρικοὺς αὐτῶν, ὁσάκις θέλουσιν, ἀποκριματίστως. Τούτων δὲ οὕτως ἐχόντων, οὐδενὶ τῶν πατριαρχῶν ἐπ᾽ ἀδείας ἔσται εἰς ἑτέρου πατριάρχουἐνορίαν ἀποστεῖλαι σταυροπήγια, ἀλλ᾽ οὐδὲ κληρικὸν αὐτοῦ ἁρπάσαι, ἵνα μὴ συγχέωνται τὰ δίκαια τῶνἐκκλησιῶν. – Σύνταγμα. 1992. Τ. 2. Σ. 41–42; ср.: Правила. 2000. Т. 1. С. 69–70.

[11] ἀπὸ μακρᾶς δὲ συνηθείας, βεβαιωθείσης πολλάκις συνοδικῶς, ὁ θρόνος τῆς Κωνσταντινουπόλεωςσταυροπήγιά τε δίδωσιν εἰς πάσας τὰς τῶν ἐκκλησιῶν ἐνορίας, καὶ ἀναφορὰν ἔχει οὐ μόνον ἐν τούτοις, ἀλλὰκαὶ ἐφ᾽ αἷς ἔχει ἀκινήτοις κτήσεσιν ὁπουδήποτε. Τινὲς δὲ λέγουσι, τὸ αὐτοδίκαιον ἔχειν τὸν αὐτὸν ἅγιονθρόνον, οὐ μόνον εἰς τὰς διαφέρουσας τούτῳ κυριαρχικῷ δικαίῳ κτήσεις, ἀλλὰ καὶ εἰς τὰ ἀκίνητα τῶνὑποκειμένων τούτῳ μοναστηρίων, ὁπουδήποτε διακείμενα. – Σύνταγμα. 1992. Τ. 3. Σ. 265; ср.: Правила. 2000. Т. 2. С. 334.

[12] Διὰ τούτου (scil. τοῦ πατριαρχικοῦ βουλλωτηρίου) καὶ κατὰ πᾶσαν τὴν οἰκουμένην σχεδὸνπατριαρχικὰ καταγράφεται καὶ δίδωσι σταυροπήγια, καὶ πολλάων πολίων ἐκκλησιαστικὰ

μετατίθησι κάρηναεὶς τῆς πρώτης κεφαλῆς τὸ ἀνάκτορον. – Σύνταγμα. 1992. Τ. 4. Σ. 535.

[13] Понятия «вселенная» и «Римская империя» часто выступают синонимами, например, в Новом Завете (Лк. 2:1, Деян. 17:6, 24:5). Др. примеры: LSJ. 1996. P. 1205.

[14] Любопытно, что именно это место из Вальсамона (но с опущением конца фразы!) приведено в качестве «канонического аргумента» о правах Константинополя на «вселенскую автокефалию» в послании митрополита Деркийского Апостола к предстоятелю Православной Церкви Чешских Земель и Словакии митрополиту Михаилу от 20.01.2020. См.: https://orthochristian.com/128904.html

[15] ΒΑΛΣ. Ἐπειδὴ τοίνυν τοῖς πέντε Πατριάρχαις ἀπενεμήθησαν αἱ ἐνορίαι τῶν τεσσάρων τῆςΟἰκουμένης κλιμάτων, πλὴν ὀλίγων Ἐκκλησιῶν, καὶ μητροπολίτας ἐφεῖται τούτοις χειροτονεῖν εἰς τὰςἀφορισθείσας αὐτοῖς διοικήσεις, ἀνακρίνειν τε αὐτούς, καὶ κατὰ τοὺς θείους εὐθύνειν κανόνας, καὶ τὴνἐκφώνησιν καὶ μνήμην ἔχειν τῶν οἰκείων ὀνομάτων, πρὸ πάντων τῶν ἐν ταῖς διοικήσεσι μητροπολιτῶν· ταύτητοι καὶ σταυροπήγια πέμπουσιν εἰς τὰς αὐτῶν ἐνορίας, καὶ κληρικοὺς ἐξ αὐτῶν λαμβάνουσιν οὓς αἱροῦνται. οὐμὴν ἐφεῖταί τινι τούτων καὶ εἰς χώραν πέμπειν σταυροπήγιον, ἥτις ἑτέρῳ ὑπόκειται πατριάρχῃ, οὔτε κληρικὸνλαβεῖν ἐξ αὐτῆς, ἵνα μὴ συγχέωνται τὰ δίκαια τῶν Ἐκκλησιῶν. – Σύνταγμα. 1992. Τ. 6. Σ. 257–258.

[16] Περὶ τοῦ Βουλγαρίας, τοῦ Κύπρου, καὶ τοῦ Ἰβήρων. Αἱ δὲ μὴ ὑποκείμεναι Πατριάρχῃ τινί, ἡ τῆς Βουλγαρίας ἐστὶν Ἐκκλησία, ἣν ἐτίμησεν ὁ βασιλεὺς Ἰουστινιανός, ὡς ἐκ τῆς βηθησομένης νεαρᾶς αὐτοῦ γνώριμον ἔσται· ἡ τῆς Κύπρου· ταύτην δὲ ἡ τρίτη Σύνοδος καὶ ἡ ΣΤ′ τετιμήκασιν, ὡς αὐτίκα δὴ μάλα ῥηθήσεται· ἡ τῶν Ἰβήρων, ἣν ἐτίμησε διάγνωσις τῆς ἐν Ἀντιόχεια Συνόδου, ὑποκειμένην πρώην αὐτῇ. τούτων γὰρ οἱ ἀρχιερεῖς ὑπὸ τῶν ἰδίων ἐπισκόπων χειροτονεῖσθαι εἰώθασιν. – Σύνταγμα. 1992. Τ. 6. Σ. 258.

[17] Ὅτι μόνῳ τῷ πατριάρχῃ Κωναναντινουπόλεως σταυροπήγια πανταχῆ πέμπειν δέδοται. Μόνῳ δὲ τῷπατριάρχῃ Κωνσταντινουπόλεως ἐκ συνήθειας ἐφεῖται μακρᾶς σταυροπήγιά τε διδόναι, καὶ τὴν ἀναφορὰν καὶ μνήμην τοῦ ὀνόματος αὐτοῦ ἔχειν, οὐ μόνον ἐφ’ οἷς κέκτηται ἰδίοις χωρίοις ὁπουδήποτε κειμένοις, καὶ τοῖς ἀκινήτοις κτήμασι τῶν ὑποκειμένων τούτῳ μοναστηριῶν, ἀλλὰ καὶ ἐν ταῖς τῶν μητροπόλεων αὐτοῦ ἐνορίαις, ἔνθα ἂν παρὰ τοῦ τὸν νεὼν ἀνεγείροντος δηλαδὴ προσκληθείη. – Σύνταγμα. 1992. Τ. 6. Σ. 84.

[18] «Εἰσαγωγή» – букв. «Введение (в законы)». Ранее этот юридический памятник именовался «Эпанагогой», и это неточное название (основанное на ошибочном чтении одной поздней рукописи) еще нередко встречается в справочной литературе. См.: Schminck. 1986. S. 12–13; Бондач. 2011. С. 50.

[19] Обычное для римского права название императорских актов.

[20] Ὁ Κωνσταντινουπόλεως θρόνος βασιλείᾳ ἐπικοσμηθεὶς ταῖς συνοδικαῖς ψήφοις πρῶτος ἀνερρήθη· αἷς οἱ θεῖοι κατακολουθοῦντες νόμοι καὶ τὰς ὑπὸ τοὺς ἑτέρους θρόνους γινομένας ἀμφισβητήσεις ὑπὸ τὴν ἐκείνου προστάττουσιν ἀναφέρεσθαι διάγνωσιν καὶ κρίσιν. Πασῶν τῶν μητροπόλεων καὶ ἐπισκοπείων, μοναστηρίων τε καὶ ἐκκλησιῶν ἡ πρόνοια καὶ φροντίς, ἔτι δὲ καὶ κρίσις, καὶ κατάκρισις, καὶ ἀθώωσις, τῷ οἰκείῳ Πατριάρχῃ ἀνάκειται· τῷ δὲ Κωνσταντινουπόλεως προέδρῳ ἔξεστι καὶ ἐν ταῖς τῶν ἄλλων θρόνων ἐνορίαις, ἐν οἷς οὐκ ἔστι προκαθιέρωσις ναοῦ, σταυροπήγια διδόναι, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τὰς ἐν τοῖς ἄλλοις θρόνοις γινομένας ἀμφισβητήσεις ἐπιτηρεῖν καὶ διορθοῦσθαι, καὶ πέρας ἐπιτιθέναι ταῖς κρίσεσιν. – Collectio. 1852. P. 68; cf. Σύνταγμα. 1992. Τ. 6. Σ. 428–429.

[21] См.: Медведев. 2001. С. 465.

[22] См.: Медведев. 2001. С. 176–178; Schminck. 1986. S. 100–103; Бондач. 2011. С. 50.

[23] Τρωϊάνος. 1989–1991.

[24] οἱ ἁγιώτατοι πάσης τῆς οἰκουμένης πατριάρχαι (109-я новелла Юстиниана) – CIC. 1954. T. 3. P. 518.

[25] См.: Кузенков. 2020.

[26] См.: Кузенков. 2015.

[27] См.: Ермилов. 2014.

[28] Καί δή γράφοντες ἀποφαινόμεθα ἐν Ἁγίῳ Πνεύματι, τάς ἐν ταῖς πολιτικῶς τῷ Βασιλείῳ τῆς Ἑλλάδος ἄρτι ἐκχωρηθείσαις χώραις κειμένας…, ὡς καί τάς ἐν αὐταῖς ὑπαρχούσας ἱεράς Πατριαρχικάς καί Σταυροπηγιακάς Μονάς εἶναι διά παντός τοῦ λοιποῦ καί λέγεσθαι καί παρά πάντων γιγνώσκεσθαι καί ἐκκλησιαστικῶς ἡνωμένας καί συνημμένας ἀναποσπάστως τῇ Ἁγιωτάτῃ αὐτοκεφάλῳ Ἐκκλησίᾳ τῆς Ἑλλάδος καί ὑπό τῆς Ἱερᾶς Συνόδου τῆς Ἐκκλησίας ταύτης διακυβερνᾶσθαι, πρός αὐτήν τε ἔχειν τήν κανονικήν και ἄμεσον ὑποταγήν καί ἀναφοράν, καί τοῦ ὀνόματος αὐτῆς μνημονεύειν. – Цит. по: Βαβούσκος. 2018.

[29] Διατηροῦνται ἀπαραμείωτα τά κανονικά δικαιώματα τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριάρχου ἐπί τῶν ἐν Ἑλλάδι Ἱερῶν Πατριαρχικῶν καί Σταυροπηγιακῶν Μονῶν, μνημονευομένου ἐν αὐταῖς τοῦ ὀνόματος τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριάρχου καί ἑκάστοτε ὑπό τῆς Ἱερᾶς Συνόδου τῆς Ἐκκλησίας τῆς Ἑλλάδος

διά τοῦ Προέδρου αὐτῆς ἀνακοινουμένης πρός τόν Οἰκουμενικόν Πατριάρχην τῆς ἐκλογῆς τῶν νέων Ἡγουμενοσυμβουλίων τῶν Μονῶν τούτων. – Цит. по: Βαβούσκος. 2018.

[30] См.: Ἐλπιδοφόρος. 2014.

[31] См.: Βαβούσκος. 2018; Послание Митрополита Деркийского Апостола Высокопреосвященному Митрополиту Пражскому Михаилу от 20.01.2020 г. (https://orthochristian.com/128904.html); Κυριαζόπουλος. 2020.

[32] Καὶ ὥστε τοὺς τῆς Ποντικῆς, καὶ τῆς Ἀσιανῆς, καὶ τῆς Θρᾳκικῆς διοικήσεως Μητροπολίτας μόνους, ἔτι δὲ καὶ τοὺς ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς Ἐπισκόπους τῶν προειρημένων διοικήσεων χειροτονεῖσθαι ὑπὸ τοῦπροειρημένου ἁγιωτάτου θρόνου τῆς κατὰ Κωνσταντινούπολιν ἁγιωτάτης Ἐκκλησίας. – Σύνταγμα. 1992. Τ. 2. Σ. 281.

[33] τὸν ἔξαρχον τῆς διοικήσεως ἢ τὸν τῆς βασιλευούσης Κωνσταντινουπόλεως θρόνον. – Σύνταγμα. 1992. Τ. 2. Σ. 237, 258.

[34] Σύνταγμα. 1992. Τ. 2. Σ. 41–42; Τ. 6. Σ. 257–258.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/45558/